

ДЖОН ДИККИ

Госа

ИСТОРИЯ СИЦИЛИЙСКОЙ
МАФИИ

Nostra

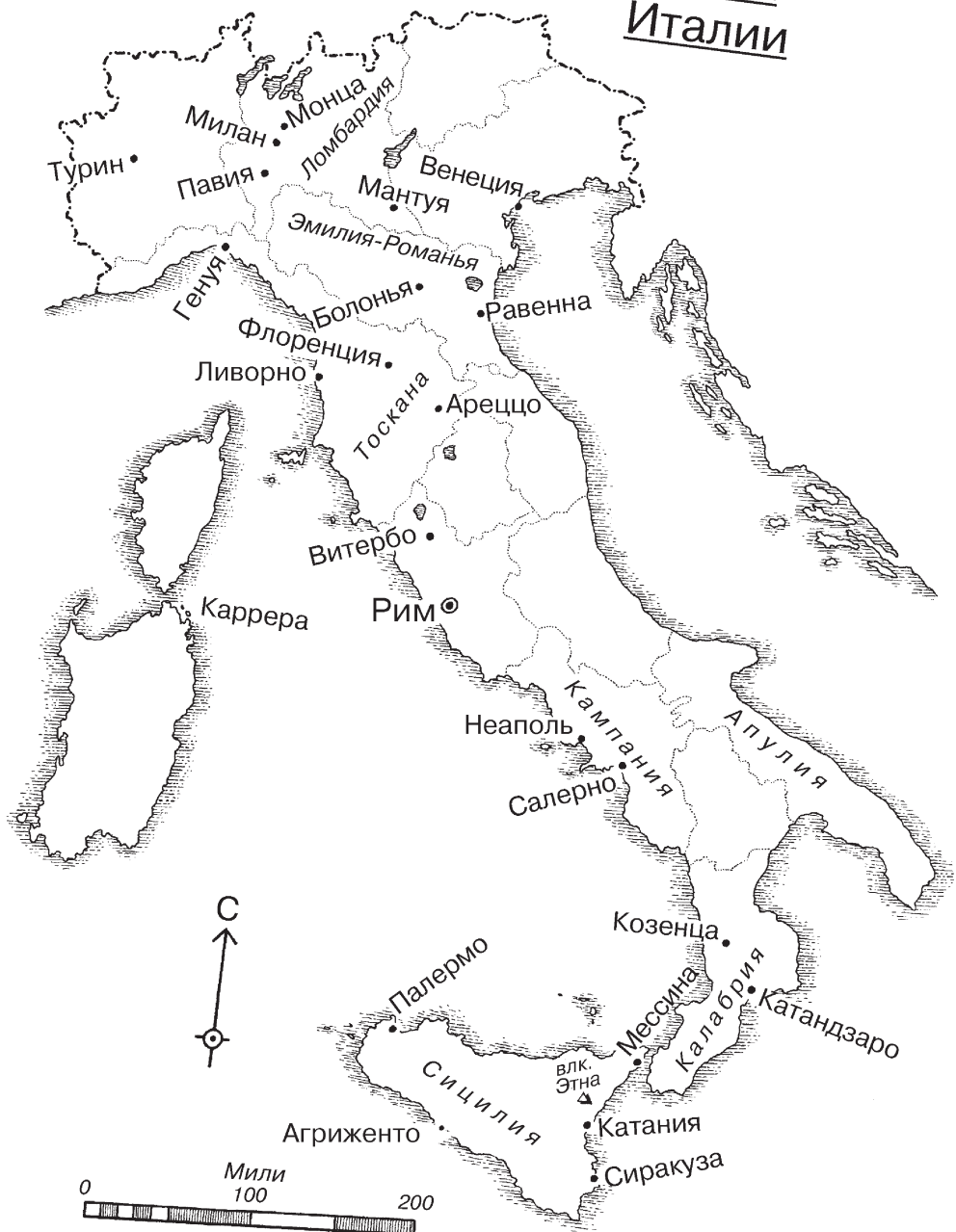
КОДЕКС ЧЕСТИ ■ ОБРЯДЫ ПОСВЯЩЕНИЯ ■ МАФИЯ И ВЛАСТЬ
СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ ■ МЕТОДЫ РАБОТЫ

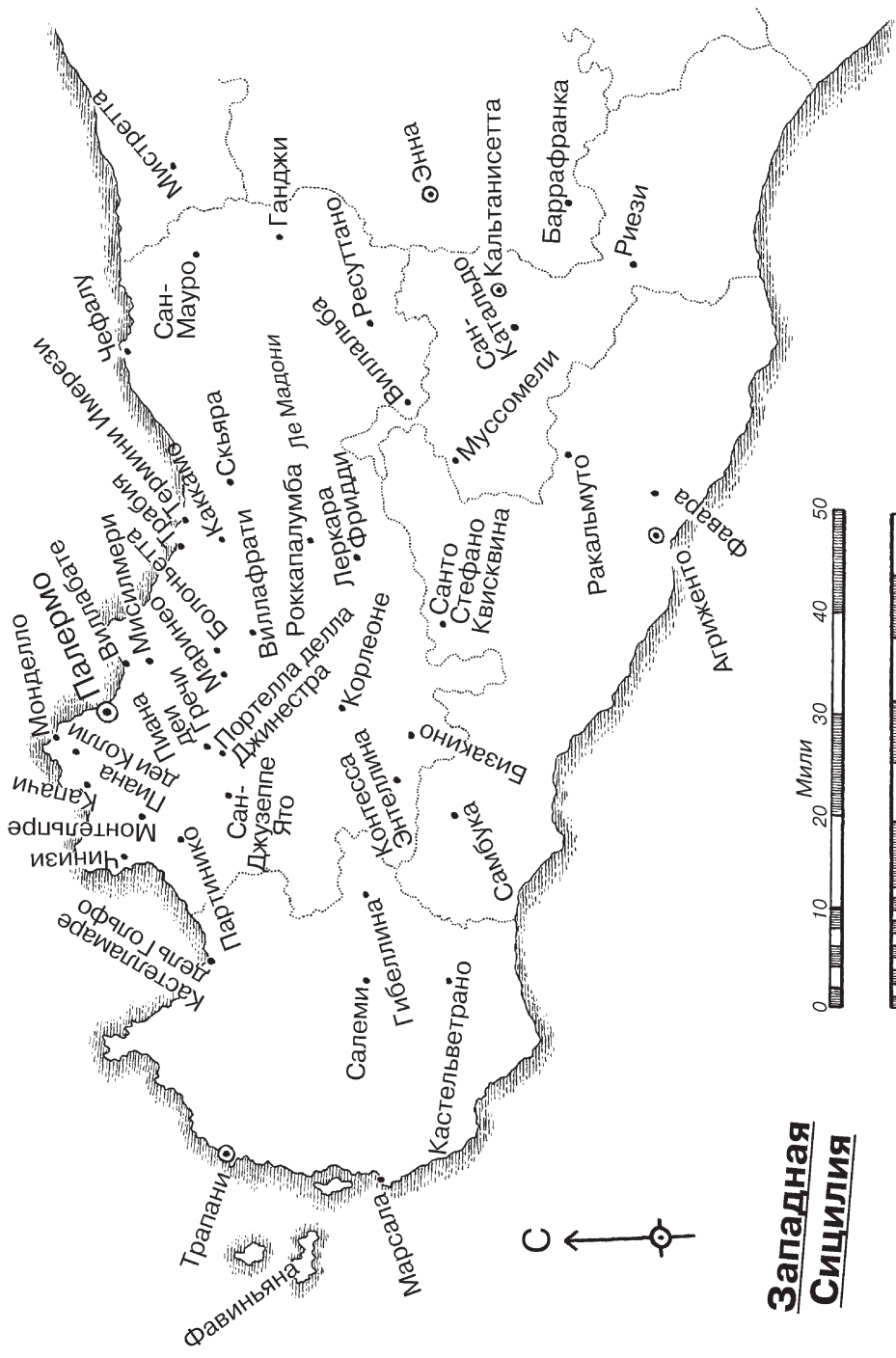
Оглавление

Предуведомление.....	10
Пролог	12
Введение	21
«Люди чести»	29
Глава 1. ВОЗНИКНОВЕНИИ МАФИИ: 1860–1876 гг.....	38
Глава 2. МАФИЯ ПРОНИКАЕТ В ИТАЛЬЯНСКУЮ ВЛАСТЬ: 1876–1890 гг.....	77
Глава 3. КОРРУПЦИЯ В ЭШЕЛОНАХ ВЛАСТИ: 1890–1904 гг.	98
Глава 4. СОЦИАЛИЗМ, ФАШИЗМ, МАФИЯ: 1893–1943 гг.	154
Глава 5. МАФИЯ ПУСКАЕТ КОРНИ В АМЕРИКЕ: 1900–1941 гг.	191
Глава 6. ВОЙНА И ВОЗРОЖДЕНИЕ: 1943–1950 гг.	231
Глава 7. ГОСПОДЬ БОГ, БЕТОН, ГЕРОИН И «КОЗА НОСТРА»: 1950–1963 гг.....	265
Глава 8. ПЕРВАЯ ВОЙНА МАФИИ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: 1962–1969 гг.....	294
Глава 9. ИСТОКИ ВТОРОЙ ВОЙНЫ МАФИИ: 1970–1982 гг.....	315
Глава 10. TERRA INFIDELIUM: 1983–1992 гг.....	351
Глава 11. ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ АКТЫ И «ПОГРУЖЕНИЕ»: 1992–2003 гг.....	372
Глава 12. СЫР РИКОТТА И ПРИЗРАКИ: ХРОНИКИ «КОЗА НОСТРЫ» С ЛЕТА 2003 г.	407
Благодарности автора	418
Алфавитный указатель	421

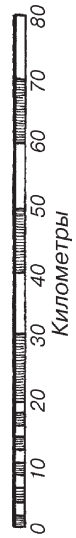

Карта Италии

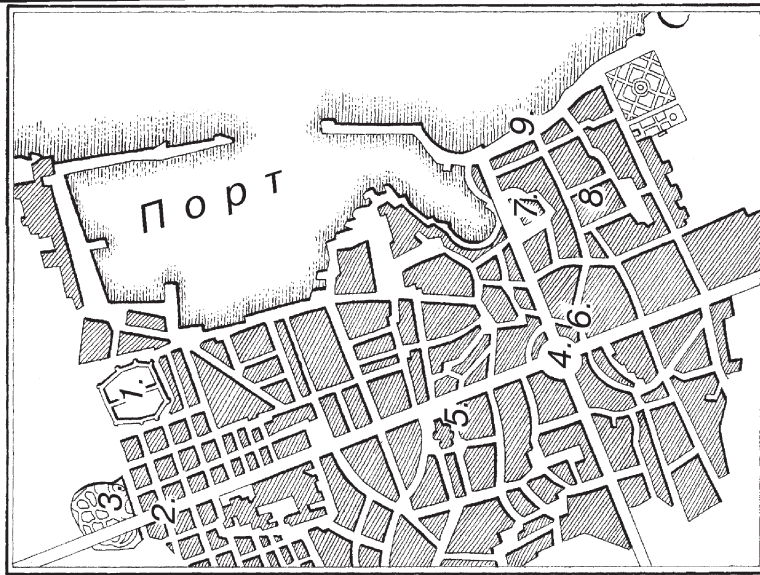
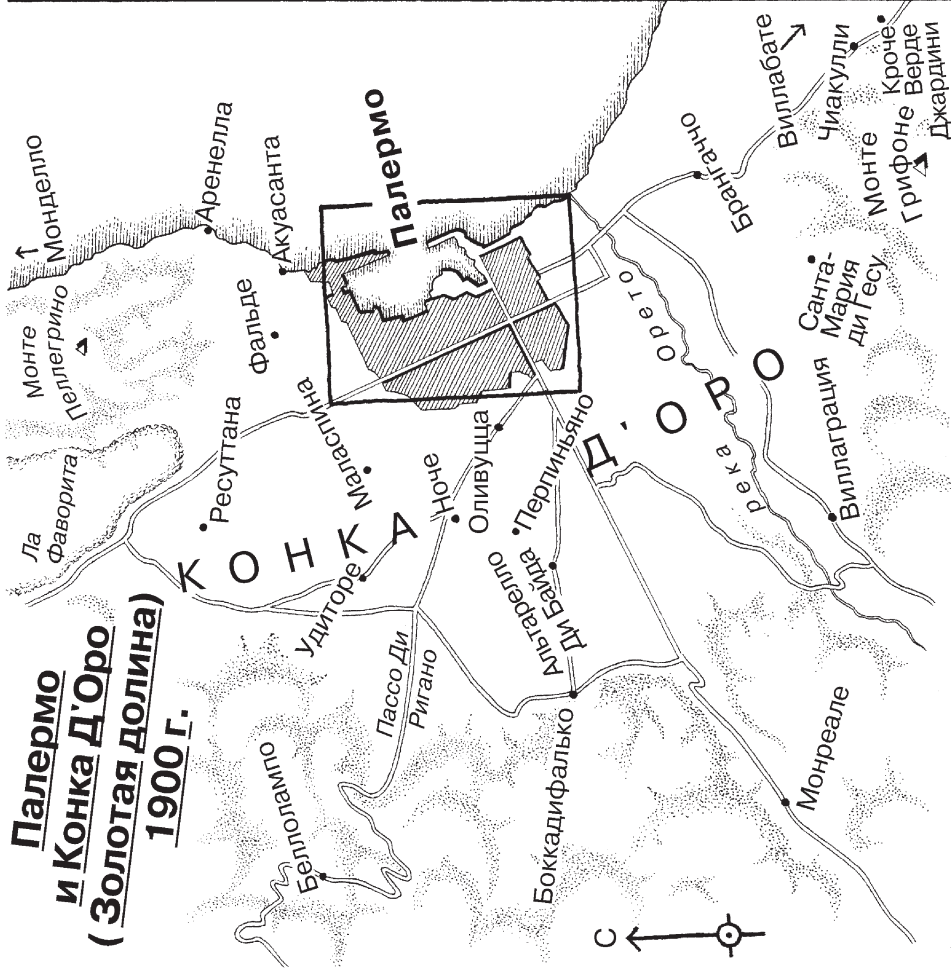

Западная Сицилия

**Палермо
и Конка Д'Оро
(Золотая долина)
1900 г.**

1. Тюрьма Уччардоне
2. Виа делла Либерта
3. Английский парк
4. Квартро Канти
5. Театро Массимо
6. Палаццо делле Акуиле
7. Пьяцца Марина
8. Ла Кальса
9. Марина

Предуведомление

Как не замедлит стать очевидным, в этой книге неизбежно выдвигаются серьезные обвинения в адрес конкретных лиц. Поэтому категорически не следует читать эту книгу, упуская из вида следующее.

Мафиозные семьи и семьи, «объединенные кровью», ни в коей мере не являются синонимами. Из того обстоятельства, что один или несколько членов какого-либо семейства, упомянутого в этой книге, вступили в мафию, ни в коей мере не следует, что их родственники по рождению или браку принадлежат к мафии, действуют в ее интересах или даже имеют представление о сфере деятельности и интересов своих родичей. В самом деле, поскольку «Коза ностра» — тайное общество, одно из ее правил гласит: членам организации запрещается рассказывать своим родственникам что-либо, касающееся ее деятельности. По той же причине, *a fortiori*, потомки ныне умерших людей, относительно которых имелись подозрения в связях с мафией, не могут и не должны подозреваться в этих связях.

На протяжении своей истории сицилийская и американская мафии устанавливали контакты с отдельными бизнесменами, политиками и представителями таких общественных организаций, как профсоюзы. Также обе мафии устанавливали контакты с компаниями, профсоюзами, политическими партиями или определенными группами в составе этих партий. Имеющиеся в нашем распоряжении исторические данные неопровержимо свидетельствуют о том, что одна из важнейших характеристик подобных контактов — их разнообразие. К примеру, в тех случаях, когда мафии платили за покровительство, вовлеченные в процесс организации и индивидуумы могли быть как невинными жертвами, так и добровольными пособниками организованной преступности. Встречающиеся на страницах этой книги упоминания таких организаций и отдельных лиц не могут и не должны трактоваться как определяющие виновность конкретных лиц и структур. Необходимо иметь в виду, что если какие-либо лица или организации в прошлом имели контакты с мафией, они со-

вершенно не обязательно продолжают их иметь до сих пор. Вдобавок на основании текста этой книги не следует делать далеко идущих выводов относительно организаций и отдельных лиц, чьи названия и имена, по чистой случайности, совпадают с названиями и именами, упомянутыми на этих страницах.

Эта книга, подобно большинству работ по истории мафии, рассматривает широкую историческую перспективу, в рамках которой членам мафии удавалось ускользать от ответственности — гораздо чаще, чем можно было бы ожидать. Число таких случаев достаточно велико, а причины, по которым обвинительные приговоры не выносились, весьма разнообразны, и отнюдь не всегда мягкосердечие правосудия объясняется недальновидностью или некомпетентностью представителей правоохранительных органов и юстиции, свидетелей и судей. Поэтому за исключением тех случаев, когда о такой недальновидности или некомпетентности говорится впрямую, не следует искать в действиях указанных государственных служащих небрежение или злой умысел.

Многие люди на протяжении полутора столетий отрицали сам факт существования мафии или стремились преуменьшить степень ее влияния на общество. Очень многие из этих людей говорили и действовали вполне искренне. Одновременно множество людей выражали искренние, разумные и нередко вполне обоснованные сомнения в надежности свидетельств, полученных от отдельных *pentiti* («отступников») или от *pentiti* в целом. При отсутствии на этих страницах прямых утверждений обратного не следует делать выводов о связи какого-либо человека с мафией лишь на том основании, что он отрицает существование мафии или выражает сомнения в свидетельствах *pentiti*.

Когда в этой книге упоминаются отели, рестораны, магазины и другие общественные места, где происходили встречи мафиози, из фактов подобных упоминаний категорически не следует, что владельцы и менеджеры этих заведений, равно как и персонал, в какой-либо мере содействовали мафии, знали о встречах мафиози, об их принадлежности к криминальному сообществу или о криминальной природе бизнеса, служившего темой для встреч.

По причинам чисто практическим автор не имел возможности лично проинтервьюировать всех людей, чьи высказывания приводятся на страницах этой книги (цитируются по письменным источникам — таким, как интервью в книгах и газетах). Автор пользовался этими источниками, исходя из убеждения, что приводимые в них слова воспроизведены аккуратно и достоверно.

Пролог

Две истории, два майских дня, разделенные столетием исторического времени. Каждая история (первая — мелодраматический вымысел, вторая — трагическая реальность) открывает нам нечто важное относительно сицилийской мафии и отчасти объясняет, почему наконец-то стало возможным написать историю мафии.

Первая история явила себя миру в римском Театро Констанци 17 мая 1890 года, на премьере оперы, которую многие считают наиболее успешной оперой всех времен, — «Cavalleria Rusticana» («Сельская честь») Пьетро Масканьи. Бесхитростный рассказ о ревности, чести и мести сицилийских крестьян был положен на бойкую музыку. Оперу встретили с восторгом. На премьере певцов тридцать раз вызывали на бис; королева Италии аплодировала, не скрывая эмоций. Несколько месяцев спустя, в письме к другу, двадцатишестилетний Масканьи признался, что эта одноактная опера сделала его богатым на всю жизнь.

Каждому известны хотя бы несколько тактов из «Cavalleria», каждый знает, что место действия оперы — Сицилия. Интермеццо Масканьи звучит в знаменитой финальной сцене из «Неистового быка» Мартина Скорсезе, этого беспощадного анализа итало-американского мачизма, гордости и ревности. Музыка из оперы также звучит на протяжении всей третьей части «Крестного отца» Фрэнсиса Форда Coppола. В финальной сцене киллер-мафиози, облаченный в сутану, преследует свою жертву по роскошному Театро Массимо в Палермо, а на сцене тем временем исполняют «Cavalleria». Сын дона Майкла Корлеоне исполняет ведущую партию Туридду. В конце фильма интермеццо возвращается как аккомпанемент смерти престарелого дона, которого играет Аль Пачино.

Гораздо менее известно, что сюжет этой оперы представляет собой «сицилийский миф» в его чистейшей, первоизданной форме; этот

миф весьма близок официальной идеологии, которой сицилийская мафия придерживалась почти полтора столетия. Согласно последней, мафия — не организация в привычном смысле этого слова; принадлежность к мафии проистекает из дерзкой гордости и щепетильности, глубоко укорененных в душе всякого сицилийца. Представление о «сельской чести» тем самым как бы обосновывало исторически возникновение мафии. Сегодня уже невозможно рассказывать о мафии, не принимая во внимание этот миф.

Вторая история началась на холме над дорогой, которая ведет к Палермо от аэропорта. Время — около шести вечера, 23 мая 1992 года. Джованни Бруска, коренастый и бородатый «человек чести», наблюдает за коротким отрезком дороги перед поворотом к городу Капаччи. В этом месте его люди с помощью скейтборда загнали в сливную трубу тринадцать бочонков, вместивших в себя почти 400 килограмм взрывчатки.

В нескольких метрах позади Бруски другой мафиозо, постарше, курит и разговаривает по радиотелефону. Внезапно он заканчивает разговор и подается вперед, чтобы взглянуть на дорогу в телескоп, установленный на табуретке. Разглядев кортеж из трех автомобилей, приближающийся к повороту, он шипит: «Вай!» («Ну давай!»). Ничего не происходит. «Вай!» — снова шипит он.

Бруска замечает, что кортеж движется медленнее, чем ожидалось. Он ждет, секунды тянутся бесконечно, автомобили минуют старый холодильник, положенный у дороги в качестве отметки. Лишь когда в третий раз слышится раздраженное, на грани паники «Вай!», он нажимает на кнопку.

Раздается глухой взрыв. Земля дрожит под ногами. Асфальт вздыбливается, первая из трех машин взлетает в воздух. Она описывает дугу и приземляется в шестидесяти или семидесяти метрах от дороги, в роще оливковых деревьев. Вторая машина — белый бронированный «Фиат Крома»: лишившись оторванного взрывом двигателя, она сползает в образовавшуюся на шоссе яму. Третий автомобиль тоже пострадал, но не сильно.

Жертвами взрыва оказались магистрат Джованни Фальконе и его жена, ехавшие в белом «фиате», а также трое охранников в первой машине. Фальконе возглавлял расследование преступлений мафии. Покончив с ним, сицилийская мафия избавилась от самого опасного из своих врагов, символа антимафиозной деятельности.

Взрыв в Капачи шокировал Италию. Это событие навечно запечатлелось в сознании многих людей; некоторые политики публично заявили, что им стыдно называть себя итальянцами. Для некоторых трагедия Капачи явилась наглядной демонстрацией силы и могущества мафии. Одновременно эта операция показала, что миф о «сельской чести» окончательно ушел в прошлое, как бы подтвердил банкротство официальной идеологии мафии. Не случайно первая заслуживающая доверия история сицилийской мафии была опубликована в Италии именно после Капачи.

* * *

Рассказ о деревенском любовном треугольнике в «Cavalleria Rusticana» достигает своего апогея на площади сицилийского городка: возчик Альфио отказывается от выпивки, которую ему предлагает молодой солдат Туридду. До взаимных оскорблений еще не дошло, однако оба знают, что стычка непременно закончится кровью — ведь Альфио нашептали, что Туридду покусился на честь его жены. В кратком разговоре этих персонажей воплотилась вся примитивная система ценностей: оба признают, что задета их честь, оба мечтают о вендетте и считают дуэль единственным способом разрешить конфликт. Как диктует обычай, они обнимаются и Туридду зубами сжимает мочку правого уха Альфио в знак того, что вызов принят. После этого Туридду в слезах прощается с матерью и покидает сцену, дабы встретиться с Альфио в близлежащем саду. Издалека доносится женский крик: «Туридду убили!». Крестьяне в смятении разражаются воплями. Занавес.

Композитор Масканьи, родом из Тосканы, никогда не был на Сицилии. На репетиции тенор изменил текст своей вступительной арии, потому что либреттисты, земляки Масканьи, не сумели подобрать «настоящие сицилийские» слова. Впрочем, все это не имело принципиального значения. В 1890 году Сицилия была модной темой. Публика в Театро Констанци ожидала увидеть — и увидела — живописный остров, будто сошедший со страниц иллюстрированных журналов: экзотический остров солнца и страсти, населенный задумчивыми смуглыми крестьянами.

Что касается мафии, в 1890 году она уже представляла собой хорошо организованную преступную ассоциацию, имела покровителей среди политиков и стремилась выйти за пределы Сицилии. В столице острова, Палермо, местные политики активно мошенничали и расхищали сред-

ства, выделенные центральным бюджетом на восстановление города; среди этих политиков были и мафиози. Правда, общераспространенное представление о мафии было совершенно иным. Те, кто пришел на премьеру оперы Масканьи, воспринимали Туридду и в особенности возчика Альфио (несмотря на всю местную патетику их взаимоотношений) не только как типичных сицилийцев, но и как типичных мафиози. Слово «мафия» употреблялось для обозначения не столько криминального синдиката, сколько того сочетания яростной страсти и «восточной» гордости, которые, как считалось, определяют характер жителей Сицилии. Иными словами, быть мафиозо означало иметь примитивное представление о чести, следовать рудиментарному рыцарскому коду, принятому среди отсталых сицилийских крестьян.

Это снисходительное представление, разделявшееся высокомерным итальянским Севером, объяснялось не только непониманием истинного положения дел на Юге. Через семь лет после оглушительной премьеры оперы Масканьи скороспелый сицилийский социолог Альфредо Ничефоро опубликовал книгу «Современная варварская Италия» — исследование «отсталых народов» южной Италии. В этой книге Ничефоро достаточно пренебрежительно охарактеризовал те особенности сицилийской психики, о которых повествовала «Cavalleria»: «В крови сицилийца вечно бурлит недовольство и не знающая границ страсть эго. Каждый сицилиец — мафиозо по природе». Ничефоро, «Cavalleria» и в целом итальянская культура того времени систематически отождествляли Сицилию с мафией. Их последователи, будь то сицилийцы, итальянцы или иностранцы, продолжали и продолжают совершать ту же ошибку, стирая всякие очевидные различия между мафией и тем, что один английский путешественник 1960-х годов назвал «первобытной ментальностью сицилийского бессознательного».

Сицилийскую культуру слишком долго отождествляли с *mafiosita* (мафиозностью), и это отождествление служило интересам организованной преступности. Абсолютно ясно, что расхожее представление о вымышленности мафии было только на руку незаконной преступной организации, носившей это имя. «Нет никакого тайного криминального общества» — гласило это мнение; «есть лишь очередная теория заговора, придуманная теми, кто не понимает образа мышления сицилийцев». Бесчисленное множество исследователей повторяли этот довод: мол, продолжавшиеся на протяжении столетий набег заставили сицилийцев с подозрением относиться к чужакам, поэтому

они предпочитают разрешать конфликтные ситуации между собой, не привлекая полицию и суд.

«Затирание» различий между мафией и сицилийцами в целом также способствовало тщетности законных мер против преступности. Если во всем виновата пресловутая примитивная сицилийская ментальность, каким образом возможно бороться с мафией — разве что арестовать все население острова. Как гласит итальянская поговорка: «*Tutti colpevoli, nessuno colpevole*», то есть «Если виновны все, то никто не виновен».

Мафия добилась грандиозных успехов в распространении подобных измышлений. Ее усилия на протяжении полутора столетий привели к тому, что в обществе зародились сомнения. В результате сам факт существования мафии долгое время оставался не более чем предположением, теорией, точкой зрения — и был признан на удивление недавно. А желание написать историю «мафиозного менталитета» часто казалось прихотью, заслуживающей не большего внимания, чем готовность сочинить историю галльского остроумия или британской чопорной верхней губы.

* * *

Тем, что миф о сельской чести и, выражаясь фигурально, деревенском рыцарстве наконец-то был развенчан, мы обязаны Фальконе и его коллегам. История, завершившаяся взрывом в Капачи, началась на заре 1980-х годов, когда — менее чем за два года — погибло как минимум 1000 человек: «люди чести», их родственники и друзья, полицейские и ни в чем не повинные случайные прохожие. Кого застрелили на улице, кого увезли в тайное логово и задушили, кого растворили в кислоте, похоронили заживо в бетоне, утопили в море или разрезали на куски и скормили свиньям. Это был самый кровопролитный мафиозный конфликт в истории, но в войну он не перерос — остался кампанией по искоренению. Во главе этой кампании стояла дружина мафиози, группировавшихся вокруг клана Корлеоне. Они организовывали тайные «отряды смерти», чтобы истребить своих противников и установить почти диктаторскую власть мафии над Сицилией.

Среди жертв этой резни оказались двое сыновей, брат, племянник, шурин и зять достаточно влиятельного «человека чести» Томмазо Бушетты. В газетах его именовали «боссом двух миров», поскольку его

деловые интересы простирались по обе стороны Атлантики. Впрочем, от корлеонцев не было спасения ни в одном из этих миров. Бушетту арестовали в Бразилии. Будучи выслан в Италию, он попытался совершить самоубийство, проглотив стрихнин, который всегда носил с собой. Попытка едва не оказалась успешной. Поправившись, Бушетта решил покаяться и поведать властям о том самом тайном обществе, в которое вступил в возрасте семнадцати лет. Причем исповедаться он соглашался только Джованни Фальконе.

Последний вырос в добропорядочной семье из полуразвалившегося в то время центрального палермского квартала Ла Кальца. Однажды он обронил, что с детских лет привык к запаху мафии. В местном клубе юных католиков он играл в настольный теннис с Томмазо Спандаро, позднее — известным мафиозо и торговцем героином. Любовь родителей уберегла Фальконе от подобных искушений; он вырос приверженцем долга, церкви и патриотизма.

Свою судебную карьеру он начал в должности магистрата в суде по банкротствам, где отточил умение разбираться в сомнительных финансовых проводках. Это умение легло в основу ставшего знаменитым «метода Фальконе». Впервые Фальконе воспользовался своим методом в 1980 году, расследуя попытку провоза через границу крупной партии героина. После этого дела его перевели в криминальную полицию Палермо. В 1982 году он добился семидесяти четырех обвинительных приговоров по героиноному делу — оглушительный успех для острова, где практика запугивания свидетелей, судей и присяжных разрушила не одно тщательное подготовленное обвинение.

Бушетта снабдил Фальконе внутренней информацией о мафии. «Для нас, — говорил Фальконе, — он был кем-то вроде профессора языкознания, отправляющего своих студентов в Турцию и запрещающего пользоваться языком жестов». Благодаря многочасовым допросам Бушетты Фальконе и его группа смогли составить реальное представление о преступном синдикате. Они терпеливо прослеживали связи между личинами, именами и преступлениями. Постепенно складывалась совершенно неожиданная картина — структура мафии, методы управления, образ мышления...

Сегодня сложно представить, сколь мало было известно о сицилийской мафии до того, как Томмазо Бушетта решил исповедаться Джованни Фальконе. Первым откровением стало название организации, данное ей самими ее членами: «Коза ностра» — наше дело. До той поры даже те немногочисленные следователи и полицейские, кто

принимал мафию всерьез, искренне полагали, что это название применимо исключительно к американской мафии.

Бушетта также рассказал Фальконе о пирамидальной структуре управления мафией. В самом низу находятся солдаты, разбитые на десятки; ими командует *capodecina* (десятник). Каждый каподечина подчиняется избранному боссу местной банды, или семьи; у этого босса имеется заместитель и один или несколько *consiglieri* (советников). Три семьи, контролирующих соседние территории, образуют *mandamento* (район). Главы районов входят в состав комиссии — этого мафиозного парламента или «совета директоров» провинции Палермо. В теории провинциальный парламент подчиняется региональному, составленному из главарей мафии со всей Сицилии. Однако на практике Палермо доминирует в мафии: почти 50 процентов из (ориентировочно) 100 мафиозных семей на Сицилии контролируют часть территории Палермо, а председатель комиссии Палермо является негласным лидером всей сицилийской мафии.

К тому моменту, когда Бушетта начал давать свои показания, сицилийская мафия насчитывала около 5000 «людей чести». Значимые убийства — полицейских, политиков или других мафиози — планировались на самом верху и совершались лишь с высочайшего одобрения, что гарантировало совместимость этих преступлений с общей стратегией синдиката. Для обеспечения стабильности комиссия внедрила свод правил по урегулированию конфликтов внутри семей и районов. Уровень внутренней дисциплины в мафии привел следователей в изумление.

«Босс двух миров» неплохо ориентировался и в делах американской «Коза ностры». Он поведал Фальконе, что у сицилийской мафии и у американской, которую первая и породила, схожая структура. Однако они являются независимыми друг от друга организациями: член сицилийской мафии совершенно не обязательно окажется членом мафии американской. Крепость дружеских уз между двумя мафиями обеспечивают кровь и совместные деловые интересы, а не организационные связи.

Другие «люди чести» последовали примеру Бушетты, пытаясь с помощью государства защититься от корлеонцев и их «отрядов смерти». Вместе со своим коллегой Паоло Борселлино Фальконе методично проверял признания мафиози и собрал 8607 страниц документов — основу легендарного «макси-процесса», который состоялся в специально выстроенном бронированном зале суда Палермо.